

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма: V: Малакский пролив, 19 сентября, VI: Гонг-Конг, 28 сентября, VII: Владивосток, 8 октября 1890 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 1. № 3. С. 411–436 (3-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера)¹⁾.

ПИСЬМО V.

19 Сентября. Малакскій проливъ.

Еще однимъ маленькимъ кусочкомъ моньше: Пенангъ уже за нами, а сегодня придемъ въ Сингапуръ.

Приближаясь къ Пенангу, мы прочитали въ лоци англійской его описаніе. Чего только о немъ не говорится. И раемъ-то его называли, и климатъ его превозносили и пр. и пр. Мы заравѣе уже горѣли желаніемъ его осмотрѣть, подышать его воздухомъ.

Пришли туда въ воскресенье (17 числа), пришли раннимъ утромъ; поэтому, каковъ Пенангъ, издали я не видалъ. Вставши отъ сна, я поднялся на ютъ и отсюда вдоволь налюбовался этимъ раемъ востока. Дѣйствительно - хорошій уголокъ.

Онъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ небольшой островокъ, верстъ въ 30 въ длину и 15 въ ширину. Поверхность его очень гористая. Около самого города замѣчательнень пикъ высотой, кажется, въ 2800 футъ. Всѣ горы покрыты самой чудной растительностью, какую только могъ принести роскошный востокъ своему раю. На восточной сторонѣ острова лежитъ городъ Пенангъ, или Джорджъ-таунъ. Проливъ въ этомъ мѣстѣ, между островомъ и Малаккой, образуетъ великолѣпную гавань шириной верстъ въ пять. Стоя на этой гавани, не знаешь чѣмъ любоваться. Справа городъ, живописно выступающій на темно-зеленомъ экранѣ горъ. За нимъ горы громадныя, съ вершины которыхъ не сходятъ облака. Прямо рейдъ, на которомъ пестрѣютъ суда всевозможныхъ націй и формъ: отъ англій-

1) См. Б. В. Январь.

скихъ пароходовъ до китайскихъ джонокъ. Слѣва изъ моря поднимается низкій берегъ Малакки, весь зеленый отъ сплошной растительности; а далѣе изъ-за горизонта синѣютъ въ туманѣ какія-то горы самыхъ неожиданныхъ колеровъ. Хотѣлось поскорѣе на берегъ, чтобы видѣть все это самому, тѣмъ болѣе, что въ лоціи говорилось о водопадѣ, который гдѣ-то по близости за городомъ скатывался съ высоты 2500 фут.

Однако, горы спустили намъ тучу дождя (дѣло шло къ осени, періодъ дождей), и нашу поѣздку поневолѣ пришлось отложить.

Послѣ завтрака, однако, мы не выдержали: собрались мы семеро и подъ предводительствомъ одного корабельнаго офицера отправились на берегъ. Дождь еще шель. Мы кое-какъ укрывались отъ него подъ своими зонтами. Хорошо еще, что малайцы скоро возятъ въ своихъ маленькихъ лодкахъ, а то пришлось бы очень плохо нашимъ паутиннымъ тропическимъ костюмамъ. Накоонецъ, нога ощутила твердую почву, а чрезъ минуту мы уже ѣхали въ двухъ крытыхъ экипажахъ-вагончикахъ по улицамъ Пенанга.

Городъ, точнѣе та его часть, по которой мы проѣзжали, особеннаго ничего не представляетъ послѣ Коломбо. Таже вѣчная зелень, скрывающая собою постройки, тѣже прекрасныя вѣровидныя пальмы предъ окнами на дворѣ англичанъ, тѣ же убогія жилища туземцевъ; даже и мутныя лужи, въ которыхъ они берутъ свои ежедневныя ванны, не были забыты. Грунтъ, какъ и въ Коломбо, красный. Красныя и черепицы на кровляхъ. Зеленъ и краснота—основныя тоны здѣшнихъ городскихъ видовъ.

На улицахъ, по случаю воскреснаго дня, было пустынно. Попадались изрѣдка малайцы и китайцы, и тѣ и другіе еще не виданные нами. Малайцы къ удивленію носятъ больше черныя одежды. Какъ это объяснить при здѣшней, тропической жарѣ? На головахъ небольшія шитыя шапочки, въ родѣ черногорскихъ или греческихъ. У нѣкоторыхъ шапочки блестяли позолотой.

Цѣлью нашихъ стремленій былъ водопадъ, точнѣе ботаническій садъ, въ которомъ находился водопадъ. Къ этому саду вскорѣ мы и пріѣхали.

Садъ, конечно, очень хорошъ, въ немъ много всякихъ

растений и много лужаекъ. Между прочимъ, вниманіе наше остановила одна оранжерея (если только можно назвать оранжереей бесѣдку, сплетенную изъ тонкихъ прутьевъ). Здѣсь были собраны всевозможнѣйшія маленькія растеньица. Есть нѣсколько экземпляровъ, которые растутъ совсѣмъ безъ всякимъ банокъ и безъ земли: прикрѣпять ихъ проволокой къ доскѣ и подвѣсить къ стѣнѣ, вотъ и все.

Но все это осмотрѣно только мимоходомъ. Мы спѣшили къ водопаду. Прощедши весь садъ, мы поднялись по довольно первобытной тропинкѣ на гору и послѣ долгихъ карабканій, наконецъ, добрались до буддійской часовни, гдѣ малаецъ продаетъ на память цвѣты (это дѣлается, кажется, во всѣхъ буддійскихъ храмахъ и часовняхъ въ Индіи). Здѣсь и есть самое главное.

Часовня прислонена къ отвѣсной скалѣ сажонъ въ 17 высоты. Съ вершины этой стѣны и падаетъ столбъ воды сажени въ три широты. Онъ свергается почти вертикально и разбивается въ дребезги у подножія часовни. Шумъ стоитъ невообразимый. Брызги носятъя цѣлыми облаками и своей сыростью пронизываютъ васъ насквозь, — туманъ совершенно застилаетъ вамъ глаза. Первое мгновеніе вы чувствуете себя какъ будто среди нашей зимней вьюги. Все кружится въ глазахъ, уносится, бѣлѣетъ. Въ ухахъ стонъ. Помостки, перекинутые чрезъ вертикальный потокъ, дрожатъ, какъ на водяной мельницѣ.

Долго стоять на этихъ помосткахъ, конечно, не совсѣмъ удобно: можно промокнуть до костей. Поэтому, полюбовавшись минутъ пять на это невиданное зрѣлище, мы отправились въ обратный путь. Компанія наша увеличилась еще двумя пассажирами. Навстрѣчу намъ попалась другая компанія, человѣкъ въ 15, это тоже были все наши. Воспользовались тѣмъ, что дождь теперь прекратился. Пожелавъ имъ получше наглядѣться на водопадъ, мы сами стали въ раздумьи на распутии: на самой вершинѣ пика мы еще не были, а побывать въ облакахъ хотѣлось. Нашъ возница (онъ же и гидъ) увѣрялъ насъ, что мы ни за что не взойдемъ на гору, пути цѣлыхъ два часа, что легкихъ нашихъ не хватитъ на такой подъемъ. Наши ряды заколебались. Пятеро рѣшили идти въ городъ за верховыми лошадьми. Остальные же пять человѣкъ остались при преж-

немъ желаніи. Они ушли съ гидомъ, а мы направились въ гору.

Шли мы, дѣйствительно, часа два или полтора: все въ гору и въ гору. Путь для насъ, не привыкшихъ къ горамъ, очень утомительный, особенно послѣ долгаго сидѣнья на пароходѣ. Но никто изъ насъ не раскаялся, что пошелъ. Путешествіе полно интереса.

На гору спиралью проложена довольно хорошая, для такого же мѣста прямо хорошая дорога (конечно, англійская). Въ сухую пору по ней идти труднѣе: песокъ (красный), я думаю, много затрудняетъ движеніе. Но послѣ дождя образовался твердый грунтъ, достаточный для того, чтобы выдержать пѣшехода. Для насъ однимъ препятствіемъ было меньше.

Подъемъ вообще крутой, мѣстами лишь проложены болѣе пологія дороги. Въ такомъ случаѣ на раздвоеніи дороги красуется характерная надпись на бѣлой дощечкѣ: „Для пожилыхъ лицъ“, а на другой вѣтви дороги: „Для молодыхъ лицъ“. Каждый можетъ выбрать, что болѣе подходитъ къ его легкимъ.

Дорога проходитъ среди густаго тропическаго лѣса, который буквально стоитъ стѣной по ту и другую сторону. Иногда выходишь на прогалину, на карнизъ, и тогда видъ просто волшебный. Въ открывшейся лощинѣ вы видите только верхушки деревъ, сплошную темно-зеленую массу, которая покрываетъ все. За тѣмъ рейдъ съ черными полосками вмѣсто пароходовъ, а тамъ Малакка зеленая и фіолетовая. И такъ за горизонтъ. Посмотришь немного на эту картину, отдохнешь, и снова въ путь, въ гору.

Изъ лѣсу слышится какой-то странный свистъ, шипѣніе, никогда не перестающее. Очевидно тамъ была жизнь. Но, при всемъ своемъ желаніи, ни одного экземпляра здѣшнихъ животныхъ мы не видали. По рассказамъ здѣсь должны быть и обезьяны и еще что-то. Вообще у насъ какъ-то больше жизни въ полѣ и въ лѣсу. У насъ постоянно чирикаетъ какая-нибудь птичка, а если не чирикаетъ, то хотя пролетитъ мимо васъ. Здѣсь же только зелень и насѣкомья. Насколько помню, и въ Индіи, на Цейлонѣ, не видали мы, а тѣмъ болѣе не слышали ни одной птицы. Должно быть, улетѣли онѣ, или прячутся отъ здѣшней палящей жары.

Поднимаясь все выше, прошли мимо какихъ-то туземныхъ хижинъ. Видѣли чью-то прекрасную виллу, въ которую чуть было не забрались въ качествѣ путешественниковъ иностранцевъ.

Въ концѣ концовъ, не смотря на частыя остановки и довольно прохладную (или не столь жаркую, какъ обычно) погоду, мы были мокры, какъ мыши, и устали до крайности.

Дорога точно смѣялась надъ нами. Покажется какъ будто вершина. Вотъ-вотъ конецъ.. подходишь, увы.. это только начало новаго подъема еще болѣе крутаго и высокаго. Вздохнемъ, переглянемся, кто-нибудь процѣдитъ какое-нибудь замѣчаніе или съостритъ надъ спутникомъ. Потомъ, опять шагаемъ до новаго поворота, гдѣ снова разочарованіе. Мучила насъ и жажда, хотя мы не одинъ разъ пользовались ручейками и просто лужами, попадавшимися по пути.

Наконецъ, повѣяло холодомъ, туманъ, стоявшій наверху, сталъ все ближе и ближе. Еще крутѣйшій подъемъ и на поворотѣ дороги заблѣла дощечка съ какой-то надписью. Ну, опять видно: „Для старыхъ и молодыхъ людей“, опять видно придется подниматься и конца этому несчастному подъему, должно быть, не будетъ. Авангардъ нашъ подошелъ къ дощечкѣ. На ней значилось: „To the grac“. Что-бы это значило? Никто англійскаго языка изъ подошедшихъ не зналъ. Похоже какъ будто на тигра, но кажется, тигры на своихъ норахъ вывѣсокъ не дѣлаютъ; надо полагать, что-нибудь другое.

Подождали нашего предводителя офицера, который медленно пыхтѣлъ въ самомъ хвостѣ нашей компаніи, мокрый насквозь и красный, какъ свекла. Онъ отдышавшись наконецъ разрѣшилъ наше недоумѣніе: тутъ ни тигровъ нѣтъ, ничего въ этомъ родѣ ужаснаго. Это значитъ просто: „въ кабакъ“. Тогда мы вспомнили, что, по лоціи, на вершинѣ горы долженъ находиться отель. Кабакъ, вѣроятно, и есть этотъ отель. Скоро конецъ.

Собравши свои силы и, воодушевивши себя мыслью о скоромъ отдыхѣ, мы прибавили ходу, зашагали опять въ гору. Опять предводитель нашъ пыхтѣлъ назади, опять мы обливались потомъ и пили изъ лужъ. Но вотъ прогалина, терраса, а надъ нею, на страшной кручѣ, вышиной сажень въ сорокъ, сѣрѣлъ какой-то домикъ, на которомъ нѣкоторые

изъ насъ угадали надпись: „The gras“. Вотъ конь нашъ конецъ, наша обѣтованная земля! Какъ ни курьезно звучитъ это, а кабаку на этотъ разъ мы обрадовались чисто-сердечно, какъ настоящей Палестинѣ.

Идти пришлось еще съ четверть часа по извивающейся вокругъ горы дорогѣ. Наконецъ, послѣдній поворотъ и предъ нашими глазами нѣсколько домиковъ, расположенныхъ маленькой улицей. На небольшомъ павильонѣ или бесѣдкѣ видна была надпись: „Post“. Тутъ я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ лежитъ письмо. Сейчасъ же вошли. Тамъ встрѣтилъ насъ молодой голландецъ, который снабдилъ насъ марками и вызвался проводить насъ въ „The gras“.

Пришли. Кабакъ оказался очень чистенькимъ и уютнымъ домикомъ съ залой, гостинной, нѣсколькими жилыми комнатами и двумя террасами въ сторону моря. Въ этомъ домикѣ, оказывается, можно было жить по нѣскольку дней, какъ и дѣлало въ этотъ разъ одно англійское семейство, которое скрылось изъ первой комнаты при нашемъ нашествіи: должно быть, очень ужъ страшны были наши красныя фізіономіи и промокшіе костюмы.

Малайцы подали намъ содовой воды съ коньякомъ, и мы начали дружно утолять свою жажду. Отдохнувши немного, пошли на террасу смотрѣть окрестности. Видно было далеко. Нашъ рейдъ казался рѣченкой, а Кострома ничтожнымъ пятномъ. Жаль, что поднявшіяся облака застилали почти все. Но... *облака внизу!* Вотъ что особенно было интересно, хотя эти облака и давали себя знать съ самой неприятной стороны: отъ нихъ было положительно холодно въ нашихъ мокрыхъ костюмахъ. При всемъ томъ, это былъ первый разъ, когда мы поднялись выше облаковъ.

Посидѣли мы здѣсь довольно долго. И усталость какъ-то приковывала къ мѣсту, да и пришлось переждать дождь опять принимавшійся нѣсколько разъ. Думали было потомъ пробраться къ тому мѣсту, гдѣ начинается водопадъ, но было уже далеко за пять часовъ, въ шесть здѣсь темнѣетъ, а предъ нами была еще вся только лишь пройденная дорога. Путешествіе ночью по этимъ горамъ и лѣсамъ, да еще въ незнакомой мѣстности никого особенно привлечь не могло. Рѣшили, не теряя времени, спуститься съ горъ и возвратиться на Кострому.

Спустились мы, конечно, гораздо быстрее, чѣмъ поднимались. Спускались всего минутъ пятьдесятъ. Уже внизу, подъ горой, сообразили, на какой высотѣ намъ пришлось быть. Какъ послѣ узнали, наши всадники такъ и не могли вѣхаться туда на своихъ лошадяхъ, и такимъ образомъ, сами лишили себя великаго удовольствія.

Вечеръ настигъ насъ еще среди дороги. Въ потьмахъ кое-какъ разыскали мы своихъ возницъ, терпѣливо ждавшихъ насъ у сада, и отправились по улицамъ города къ пристани. Все было темно, только жуки иногда свѣтились, но потомъ и они спрятались. Тьма непроглядная. Къ довершенію нашихъ несчастій подулъ сильный вѣтеръ, хлынулъ страшный дождь, настоящій тропическій. Путешествіе приняло совсѣмъ неприятный видъ.

Доѣхали мы подъ покровомъ ночи и подъ ливнемъ до пристани, тамъ еще хуже. Начался приливъ, въ проливѣ образовалось быстрѣйшее теченіе, которое рвало съ собою все. Вѣтеръ развелъ волну. На пристани (деревянной, плувучей) нельзя было стоять, такъ се подбрасывало волненіемъ. Подѣхали лодки, но къ нимъ и приступить было страшно. При малѣйшемъ промахѣ, можно было попасть мимо лодки, а морская ванна при подобной обстановкѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ еще кончится.

Послѣ долгихъ стараній и колебаній, мы наконецъ разсѣлись въ двѣ маленькія лодки (которыя больше трехъ, кажется, не поднимаютъ). Поплыли. Насъ начало бросать изъ стороны въ сторону, а теченіемъ неудержимо несло внизъ отъ рейда и города. Какъ на зло Кострома стояла далеко выше. Бѣдный малаецъ, везшій насъ, выбивался изъ силъ. Прибавьте къ этому еще дождь, поливавшій насъ сверху, какъ изъ ведра, волны, хлеставшія насъ съ боковъ, тьму непроглядную кругомъ, которая оставляла насъ въ совершенной неизвѣстности, гдѣ мы, куда плывемъ, гдѣ наша Кострома. Минута или точнѣе полчаса пренепріятнѣйшія.

Долго бились мы, поднимаясь и снова уступая теченію, наконецъ, предъ нами зачернѣлъ огромный силуэтъ нашей Костромы. Она стояла къ намъ кормой. Мы облегченно вздохнули, завидѣвъ, конецъ нашимъ мученіямъ. Вотъ корма, вотъ она уже поровнялась съ лодкой, вотъ и трапъ, еще мгновеніе и мы дома. На трапѣ ждетъ насъ матросъ. Ло-

дочникъ бросаетъ веревку, привязываетъ лодку, матросъ протянулъ мнѣ руку. Совсѣмъ дома... Вдругъ сильная волна ударяетъ въ лодку, веревка порвалась или отвязалась и мы снова во тьмѣ, снова далеко етъ Костромы, и снова поливаетъ насъ дождь и хлещутъ волны. Подѣхали второй разъ, опять неудача. Только на третій разъ удалось намъ ступить на трапъ, по которому и поднялись мы на палубу, гдѣ собрались всѣ пассажиры, наблюдавшіе за нашими стараніями. Я думаю, ни одинъ застарѣлый морякъ не поднимался по трапу своего корабля съ такимъ удовольствіемъ, какъ мы послѣ такого перехода и небывалаго душа. На насъ положительно не было ни одной сухой нитки. Наши несчастные, нитяные тропическіе костюмы прилипли къ тѣлу точно у мокрой курицы перья. Наши тропическія, пробковыя шляпы превратились въ неудачно спеченные блины, обнаруживъ, такимъ образомъ, лишній случай Портъ-саидскаго надувательства. Скорѣе пошли мы въ каюту. Перебрали одежду: иначе въ тропикахъ этотъ душъ даромъ не обойдется. Но, какъ бы ни былъ печаленъ нашъ внѣшній видъ, какъ бы ни напоминали мы мокрыхъ курицъ, всетаки, мы были дома и могли теперь спокойно лечь спать; а море пусть себѣ шумитъ и волнуется въ непроглядной тьмѣ.

Весь слѣдующій день прошелъ въ нагрузкѣ риса, который должны были мы везти въ Гонгъ-Конгъ (опять новый портъ, неожиданный). На берегъ никто изъ нашей компаніи уже не сходилъ: ноги послѣ вчерашняго подѣсма давали себя чувствовать.

Часовъ въ 10 вечера стали поднимать якоря и тутъ произошло небольшое казусъ. По правиламъ этого порта, каждый корабль, стоящій здѣсь, долженъ бросить два якоря. За двое сутокъ теченіе въ проливѣ мѣнялось нѣсколько разъ, и нашъ пароходъ, слѣдовательно, нѣсколько разъ обернулся за это время на своихъ якорныхъ цѣпяхъ. Цѣпи, конечно, перепутались и вытащить якоря не было никакой возможности. Къ тому же вблизи насъ сталъ какой-то австрійскій или итальянскій пароходъ. Его якоря переплелись съ нашими. И пошла исторія... Былъ моментъ, когда пароходы совсѣмъ насѣли другъ на друга, между бортами оставалось какихъ-нибудь аршина два. Еще немного и произойдетъ пренепрятнѣйшій инцидентъ....

Часа два съ половиной промаялись мы съ якорями и только уже за полночь удалось намъ выдти изъ этого злополучнаго „рая Востока“.

Идемъ очень благополучно. Волненія никакого. Только отъ времени до времени налетающіе шквалы сильно беспокоютъ насъ своимъ ливнемъ. Слѣва постоянно виденъ берегъ Малакки. Попадаются острова, большею частію, гористые, иногда коническіе, но уже не то, что въ Красномъ морѣ. Здѣсь это не надгробные памятники, наводящіе уныніе своей пустынностью. Здѣшніе острова отъ верхушки своей и до самой морской воды покрыты богатѣйшей растительностью, все тѣмъ же тропическимъ лѣсомъ, который видѣли мы въ Коломбо и въ Пенангѣ. Путешествіе наше въ общемъ и очень интересно, и не такъ утомительно.

Теперь начало третьяго. Чрезъ три часа долженъ быть Сингапуръ.

ПИСЬМО VI.

28 Сентября. Гонгъ-Конгъ.

Пишу вамъ почти съ сухой земли: стоимъ на Гонг-конскомъ рейдѣ. По этому можете судить, каково было наше путешествіе отъ Сингапура до Гонгъ-Конга, если во время пути нельзя было выбрать времени и мѣста для письма. Ъхать, дѣйствительно, было нехорошо. Но теперь все это прошло, а что прошло, то очень мило.

19 Сентября, какъ кажется, я писалъ вамъ, мы подходили къ Сингапуру. Много про него говорили намъ моряки, рассказывая и о прелести стоянки и самаго берега, и о толчеѣ разноплеменной толпы на улицахъ и т. п. Хотѣлось все это провѣрить на опытѣ и самому потолкаться, хотя восхожденіе на горы все еще отзывалось въ ногахъ.

Въ часъ или около того окрестности Сингапура начали выплывать изъ-за горизонта. Береговая полоса, бывшая все время у насъ съ лѣваго борта, стала приближаться, загибаясь мало по малу у насъ подъ носомъ (носъ разумѣется корабельный). Съ праваго борта появилась Суматра, сначала небольшая точка, а потомъ цѣлая масса зеленой земли,

которая тоже бѣжала намъ навстрѣчу, сближаясь съ Малаккой. Попались какіе-то островки, отъ которыхъ проливъ дѣлался еще болѣе узкимъ. Мы, наконецъ, шли прямо на зеленую стѣну, въ которой и прохода не видать было. Но вотъ появился дымокъ, а за дымкомъ изъ стѣны выплылъ маленькій бѣлый катеръ лоцмана: Сингапуръ, слѣдовательно, уже очень близко.

Между тѣмъ время подошло къ 4 съ пол. часамъ, когда назначенъ былъ, на этотъ разъ часомъ раньше, нашъ обѣдъ. Какъ ни соблазнительно было смотрѣть на сбѣгающіяся зеленыя горы, однако, при еще болѣе соблазнительномъ звонкѣ къ обѣду, на палубѣ не осталось ни души. Всѣмъ хотѣлось покончить съ обѣдомъ до прихода въ портъ, чтобы потомъ уже смотрѣть и любоваться природой на свободѣ.

Однако, Сингапуръ былъ такъ близко, что пока мы ѣли, онъ совсѣмъ подкрался къ намъ. Въ каютъ-компаніи стало вдругъ нѣсколько темнѣе, въ окна ударилъ какой-то зеленый свѣтъ. Мы шли въ узкомъ проливѣ между Сингапуромъ и другимъ маленькимъ островкомъ, очень узкимъ. Мы входили на Сингапурскій рейдъ.

Не успѣли мы кончить нашего обѣда, какъ съ лѣваго борта поднялся обычный гамъ при приходѣ въ портъ. Это шумѣли на берегу, къ которому мы должны были швартовиться. У насъ на верху раздавались тоже обычные: „Отдать кормовой“, „вира лебедка“. Слышался топотъ, бѣготня, шумъ канатовъ по палубѣ. Очевидно, мы становились на якорь или швартовались.

Выходимъ на палубу. Собрались у своихъ каютъ, подъ ютомъ съ лѣваго борта. Прямо противъ насъ на одинаковой высотѣ стояла другая толпа, выстроившись по деревянной набережной. Ждали насъ. Пароходъ нашъ постепенно приближался, подтягивая канаты и отъ времени до времени постукивая своимъ винтомъ.

Толпа, стоявшая на берегу, была, по обыкновенію, самая пестрая. Тутъ и малайцы, и китайцы, и европейцы всѣхъ націй. Нѣкоторые спѣшили показывать еще издали намъ свой товаръ. Соблазняли насъ цѣлыми грудами ананасовъ, шалами, и непременно драгоцѣнными камнями. Здѣсь замѣчательны раковины всевозможныхъ сортовъ. Ихъ привозятъ цѣлыми лодками. Не знаю, почему не дѣлаютъ

этого въ другихъ портахъ. Можетъ быть, здѣсь ихъ особенно много. Какой-то, по всѣмъ признакамъ, еврей горячился больше всѣхъ, кричалъ, махалъ руками, бѣгалъ по набережной, отдавая приказанія рабочимъ и изрѣдка перекидываясь французскими фразами съ нѣкоторыми изъ нашихъ офицеровъ. Это оказывается здѣшній harbourmaster. Нѣсколько долговязыхъ англичанъ стояли, смотря какъ-то поверхъ толпы, какъ черезъ присло, въ своихъ грандіозныхъ тропическихъ каскахъ. Но наше общее вниманіе остановилось на одной группѣ: какой-то господинъ, лѣтъ тридцати пяти стоялъ подъ руку съ дамой. Навѣрно, это русскій, думалось намъ. Есть какая-то неуловимая черта, не передаваемая на словахъ, у каждой націи. Достаточно небольшого опыта, чтобы почти не ошибаться съ перваго взгляда. Что сказало намъ, что стоявшій предъ нами господинъ былъ дѣйствительно русскій? Никто, конечно, изъ насъ не могъ бы объяснить, а между тѣмъ наше предчувствіе оправдалось. Это былъ русскій офицеръ, который съ женой ѣхалъ изъ Восточной Сибири въ Марсель и оттуда въ Россію. Ѣхалъ онъ на французскомъ пароходѣ („Messageries Maritimes“), который стоялъ тутъ же, корма о корму съ нашимъ пароходомъ.

По поводу этого предчувствія, мнѣ вспоминается другой случай, бывшій уже гораздо позже, тоже во время путешествія на французскомъ пароходѣ. Одинъ господинъ постоянно старался со мной заговорить. Навѣрно, это русскій, подумалъ я. Но незнакомецъ говорилъ и по французски и по англійски, а по русски ни слова. „Какой вы національности?“ спрашиваю его.—„Нѣмецъ“, какъ-то странно сказалъ онъ сквозь зубы.—Охъ, думаю, русскій, только почему-то стѣсняется назвать себя имъ. Вечеромъ по обыкновенію долго оставались на палубѣ, лежа на длинныхъ стульяхъ. Моего знакомаго взялъ кошмаръ. Вдругъ слышу: „Ай, умру, умру“... Моя догадка оправдалась, хотя ни теперь, ни тогда я не могъ сказать, почему я не повѣрилъ, что этотъ господинъ былъ нѣмецъ.

Набережная ничего особеннаго изъ себя не представляла, или лучше сказать, представляла изъ себя только черные, покрытые сажей угольные сараи-склады въ мѣстности довольно пустынной. Прямо за ними были какія-то болота,

и уже за болотами начиналось жильё, сначала въ видѣ туземнаго поселка, можетъ быть деревушки, нѣсколькихъ фабрикъ, далѣе шло поле, и только за полемъ начиналась китайская часть города. До самаго же города, т. е. его европейской части нужно ѣхать довольно долго.

Когда кончилась длинная и крикливая исторія швартованія, мы набрали цѣлую экспедицію писемъ, и отправились на сосѣдній французскій пароходъ, почтовый; представлялась возможность отправить наши письма самымъ скорымъ образомъ: пароходъ уходилъ сегодня же.

Не успѣли мы ступить на землю, какъ ко мнѣ подходитъ господинъ, по виду—коммисіонеръ, буфетчикъ или что-то въ этомъ родѣ. Физиономія бритая, но конечно нечисто. У насъ такими изображаютъ пожилыхъ итальянцевъ. Онъ что-то заговорилъ по французски, протягивая мнѣ письмо. Я понялъ только: *Monsieur le curé* Петербургъ“. Взглянувъ на почеркъ адреса, я понялъ, что это письмо отъ о. А., который воспользовался этимъ господиномъ, чтобы послать мнѣ вѣсть о себѣ. Они идутъ пятью днями раньше насъ. Съ нимъ на пароходѣ ѣдетъ и звонарь, выписанный для собора въ Токео. Японія опять стала близко. Теперь уже пойдёмъ на сѣверъ, прямо къ ней. Какъ только я доберусь до нея?

Поблагодаривъ незнакомца, я присоединился къ остальной компаніи, которая уже ходила по берегу вдоль огромнаго французскаго парохода. Послѣ довольно занимательныхъ пантомимъ съ какимъ-то полнымъ господиномъ, стоявшимъ на палубѣ парохода, наша компанія раздѣлилась: часть отправилась осматривать весь пароходъ, а мы съ докторомъ спустились внизъ въ каютъ-компанію перваго класса, гдѣ помѣщалась и каюта почтоваго чиновника. Съ чувствомъ дикарей, попавшихъ во дворецъ, спустились мы по широкой, можно сказать роскошной лѣстницѣ въ большую, изящно отдѣланную залу-каютъ компанію. Послѣ нашей каморки это былъ настоящій дворецъ. Вертлявый лакей въ форменной одеждѣ (увы! какъ первобытны показались намъ наши пароходные Иваны и Петры въ нѣсколько потускнѣвшихъ бѣлыхъ костюмахъ), показалъ намъ каюту почтоваго чиновника. Въ ней, въ дверь, наполовину задернутую занавѣсью, среди своеобразнаго шума, шелеста непрерывно вращаю-

шихся опахаль, сидѣлъ задомъ къ намъ пожилой, сухой человѣкъ, что-то коргѣвшій въ книгѣ. Онъ покровительственно принялъ наши письма, наклеилъ марки, еще покровительственнѣе взялъ плату, не переставая дымить своей толстой сигарой. Мы поспѣшили отретироваться, еще разъ аппетитно взглянувъ на роскошную каютъ-компанію перваго класса. Впрочемъ, у насъ гораздо лучше, какъ тамъ ни хороши всѣ французскія каюты.

На набережной къ намъ пристали извозчики малайцы со своими каретами-вагонами. Четверо насъ сѣли въ одинъ изъ нихъ. Возница-малаецъ съ широкимъ лицомъ и черной бородой, на головѣ красная повязка. (Послѣ я узналъ, что красный цвѣтъ такъ же хорошо защищаетъ отъ лучей солнца, какъ и бѣлый).

Многого теперь мы уже увидеть не могли: наступившая вскорѣ тьма заставила насъ сократить наши наблюденія. Походили по городу, по очень недурнымъ бульварамъ, пробовали задохнуться въ китайской части города. Вотъ грязь! Чему это приписать, просто не придумаешь. У всѣхъ народовъ есть жилье, не вездѣ оно и чисто, но на китайское логовище даже смотрѣть тошно, не говоря уже о вони, отъ которой и на улицахъ китайскихъ поселеній пройти нельзя.

Въ городѣ движеніе большое. Толпа пестритъ своей разноплеменностью. Встрѣчаются кварталы вполнѣ европейскіе, съ магазинами, съ зеркальными стеклами. Есть очень хорошіе отели. Въ одномъ изъ нихъ, на террасѣ, посреди толпы разныхъ языковъ и національностей, присѣли и мы. Насъ угостили чѣмъ-то въ родѣ горячей воды съ перцемъ. Эту мутную и ѣдкую жидкость намъ назвали чаемъ. Англичане и изъ чая сѣмѣли сдѣлать какое-то свое англійское пойло. Впрочемъ, къ нему скоро привыкаешь.

Попивъ того, что мы отказывались называть чаемъ, мы вернулись домой, съ намѣреніемъ не выходить больше на берегъ: въ Сингапурѣ больше смотрѣть нечего.

Здѣсь, впрочемъ, есть замѣчательный ботаническій садъ. Говорятъ, первый на востокѣ по своему богатству.

На слѣдующіе дни около нашего парохода происходила настоящая ярмарка. Торговцы разбили у насъ свои палатки, разложили товары. Наши поселенки съ ребятами бродили

отъ палатки къ палаткѣ, примѣряли бусы, платки. Спорили на всѣхъ возможныхъ для нихъ жаргонахъ, русскимъ языкомъ внушая малайцу, что онъ запрашиваетъ слишкомъ много. Совѣмъ, какъ у насъ гдѣ-нибудь въ селѣ, на базарѣ. Интересъ къ покупкамъ, однако, немного истощился. Успѣли увидать многое. Сингапуръ казался повтореніемъ. Здѣсь, между прочимъ, пришлось первый разъ попробовать знаменитый тропическій фруктъ: мангустанъ. Это на видъ что-то въ родѣ картофеля или рѣпы (только болѣе круглое), темно-краснаго цвѣта. Нужно осторожно разрѣзать довольно толстую мягкую оболочку, пропитанную краснымъ дубильнымъ веществомъ. Внутри—маленькое бѣлое ядро, нѣжное, водокнистое, сложенное изъ нѣсколькихъ частицъ, въ родѣ апельсина. Въ этомъ небольшомъ ядрѣ и заключается собственно мангустанъ, которымъ хвалятся югъ. Конечно, хорошъ. Но слишкомъ мало для такого труда достать его.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, мы наконецъ снялись съ якоря и отправились изъ Сингапура. Взяли грузъ въ Гонгъ-Конгъ.

Сначала было очень хорошо. Качки не было, такъ что въ Воскресенье, 23 числа, отслужили обѣдню. Но потомъ, съ вечера Воскресенья, пошелъ дождь, какъ изъ ведра, качка развилась такая, что предъ ней стыдно было вспоминать о нашихъ мученіяхъ въ Индѣйскомъ океанѣ. Понедѣльникъ, вторникъ, среду и ночь подъ четвергъ продолжалось наше испытаніе. Пассажиры опять клятвенно увѣряли другъ друга, что ѣдутъ по морю послѣдній разъ, что обратно обязательно сухимъ путемъ. Но когда прибыли въ Гонгъ-Конгъ и узнали, что въ 20 часахъ отъ насъ проходилъ Тайфунъ, которымъ сорвало лодку на французскомъ пароходѣ, тогда мы стали благодарить Бога за то, что все намъ такъ удается, все такъ идетъ благополучно.

Теперь бы только одна станція до Японіи. Но тамъ холера, куда-то и когда-то меня Господь принесетъ?

ПИСЬМО VII.

8 Октября. Владивостокъ.

Вы уже получили мою телеграмму, и знаете, что моимъ странствованіямъ скоро будетъ конецъ. Да, уже Владиво-

стокъ... Надоѣло порядочно болтаться въ морѣ, особенно послѣ того удовольствія, какое оно доставило напоследокъ, на прощанье; но оставлять привычную палубу Костромы какъ-то не хочется. Привыкли къ ней, прижились. Все тутъ стало знакомымъ, почти роднымъ, не исключая и канатовъ въ кружкахъ (которые всѣ мы уже называли бухтами), не совсѣмъ удобныхъ скамеекъ и болѣе неудобныхъ, надоѣдавшихъ ежедневныхъ окачиваній палубы по утрамъ. Все теперь стало жалко бросить. Многіе изъ пассажировъ, переселившись на берегъ въ гостиницу все еще не могутъ отрѣшиться вполнѣ отъ Костромы, нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ кто-нибудь изъ нихъ посидѣть въ ея каютъ-компаніи, попить чая съ прежними спутниками, поговорить. Великое дѣло привычка.

Нужно, однако, кончить съ моимъ путешествіемъ.

Прибыли мы въ Гонгъ-Конгъ 27 Сентября въ полдень. Долго провозились съ остановкой, такъ какъ вошли безъ лоцмана. Скоро ли пришли хозяева нашего груза, скоро ли насъ повели къ берегу, скоро ли опшвартовали къ такой же деревянной набережной, какъ въ Сингалурѣ, а время шло, и незамѣтно прошло до нашего обѣда. Въ городъ пошли уже вечеромъ. Сначала непроходимая китайская часть насквозь пропитанная какими-то міазмами. Ужасныя китайскія лавки, особенно съѣстные, въ которыхъ ожидаешь встрѣтить самое невозможнѣйшее мясо. И все вонь и вонь. Мы проникли на большую улицу. Европейскіе магазины были заперты. Мы зашли къ Ивану Ивановичу, китайцу, который знаетъ (правда, очень мало) по русски и имѣетъ на двери вывѣску съ этимъ именемъ и отечествомъ. Иванъ Ивановичъ торгуетъ матеріями и, кажется, всѣмъ, что попадается. Тутъ у него и шахматы вырѣзанныя изъ кости (по его словамъ, изъ слоновой, но..). Самого Ивана Ивановича не было, а его сыновья и прикащики по русски и вовсе не говорятъ. Мы посидѣли нѣсколько времени въ ихъ лавкѣ, посмотрѣли на китайскую торговлю: при насъ приходили покупали—китайцы. Китайцы вообще смотрятъ умными. Многіе держатъ себя весьма солидно, особенно въ повозкѣ съ вѣромъ въ рукахъ. Жаль только, что безбородыя ихъ фізіономіи, особенно у стариковъ, дѣлаютъ ихъ похожими на пожилыхъ женщинъ.

Жалкій видъ имѣютъ здѣшніе кули. Чѣмъ только они живутъ, одному Богу извѣстно. Нѣкоторые имѣютъ одну только лодку. На ней онъ и живетъ, на ней перевозить и пассажировъ, и все. Цѣлый домъ его тутъ. Тутъ онъ и родился, тутъ можетъ быть и умереть. Нѣкоторые питаются, говорятъ, отбросами съ пароходовъ. Вотъ жизнь... Здѣсь вообще китайцы какъ-то забиты и загнаны англичанами, для которыхъ они лишь вьючный скоть и рабочая сила для ихъ грандіозныхъ построекъ, по горамъ и вообще для всего ихъ комфорта. Такъ они и смотрятъ, дѣйствительно, рабочимъ скотомъ, загнаннымъ, безправнымъ, голодающимъ, презираемымъ и, конечно, чистосердечно за то ненавидящимъ своихъ непрошенныхъ, покоряющихъ ихъ деньгами хозяевъ.

За то великолѣпны здѣсь постройки и вся жизненная обстановка англичанъ. Не говорю о самомъ городѣ, о его прекрасныхъ магазинахъ, объ отеляхъ въ видѣ дворцовъ, все это для такого всемірнаго пункта ничего особеннаго не представляетъ, все это естественно и обыкновенно. Удивительно то, какъ англичане съумѣли сдѣлать такой рай изъ голы, безжизненной скалы, какимъ былъ Гонгъ-Конгъ до ихъ владычества. Удивительно, что на прежнихъ пустыряхъ теперь разбиты превосходные парки, что тамъ, гдѣ прежде были голые скаты горъ непроходимые ни для кого, теперь проложены шоссе, улиция цементомъ, съ мостами, желобами и даже скамейками для отдыха. Удивительно, да-лѣе, видѣть громадныя дома на самой вершинѣ пика, куда и пѣшкомъ трудно взобраться, и куда теперь взбирается по цѣпи желѣзнодорожный поѣздъ. Удивительна эта побѣда челонѣка надъ негостепріимной природой.

Невольнo навязывается сравненіе съ Владивостокомъ. Какая безконечная разница, и конечно не въ пользу Владивостока. Тамъ, можно сказать ничего еще нѣтъ, тамъ только кого-то и чего-то ждутъ, чтобы начать жить, тамъ только еще станція, бивуакъ, а здѣсь уже полная, самостоятельная жизнь. Впрочемъ, кто виновникъ всего этого поражающаго комфорта, этой побѣды надъ природой? Все это полилъ своимъ потомъ, а можетъ быть и кровью, здѣшній вьючный скоть—китайцы. Ихъ трудолюбіемъ воспользовались богатые эксплуататоры, и за ничтожную по-

денную плату купили ихъ трудъ и жизнь. Нѣтъ, пусть уже у насъ будетъ не такъ удобно, не такъ комфортабельно, пусть наши манзы плохо говорятъ по русски, лишь бы только не пить намъ крови изъ такъ называемыхъ туземцевъ.

Побывалъ и я на вершинѣ пика и проѣхался по здѣшней вертикальной дорогѣ. Отправились туда мы вдвоемъ съ командиромъ. Сначала ѣхали въ дзиньрикиса чрезъ воющую, дымную китайскую часть. Здѣсь собственно одна улица идетъ по берегу и по ровной плоскости. Прочія всѣ поднимаются этажами. Немного въ сторону отъ главной улицы и ѣзда на дзинькириса становится трудной, лошадей же совсѣмъ не видать. На главную же улицу выходитъ и садъ Викторіи, или точнѣе его подножіе, онъ выше по горѣ. Стоитъ посмотрѣть этотъ чудный садъ. Въ этомъ мѣстѣ главной улицы поднимается вверхъ дорожка по скату горы, усаженная деревьями. Здѣсь мы отпустили своихъ возницъ и пошли пѣшкомъ. Но вотъ попадаетея нѣсколько паръ носильщиковъ съ паланкинами. Конечно, пристають невообразимо. Дай, попробуемъ. Паланкинъ въ видѣ небольшого ящика съ сидѣньемъ поставили на землю. Мы сѣли. Носильщики быстро подняли на свои плечи длинныя оглобли и пошли въ гору, мѣрно потряхивая своей ношей. Сначала не совсѣмъ спокойно въ этомъ экипажѣ, нѣсколько странно ѣхать на спинѣ своего ближняго, уже слишкомъ напоминаетъ востокъ. Но, все и вездѣ одно и то же, мѣняется только внѣшность, на дѣлѣ же всѣ одинъ на другомъ ѣздятъ.

Скоро насъ принесли къ небольшой станціи - домику, гдѣ уже сидѣло нѣсколько господъ въ ожиданіи желѣзнодорожнаго поѣзда. Купили билеты. Чрезъ нѣсколько минутъ отправился и поѣздъ. Небольшой вагончикъ смѣло пошелъ въ гору. Сначала дорога идетъ довольно полого, но потомъ принимаетъ такой уклонъ, что становится страшно смотрѣть назадъ на пройденную линію: она кажется прямо пропастью, стремниной, въ которую того и гляди свергнется вагонъ. Уклонъ такъ великъ, что въ концѣ концовъ вы сидите можно сказать, лежа, или же должны сгибаться въ три погибели, чтобы сохранить вертикальное положеніе. Странный обманъ зрѣнія производятъ вокругъ растущія деревья, дома и пр. Вы не замѣчаете, какъ постепенно вы-

ходите изъ вертикальнаго положенія. И вдругъ вы видите, что деревья, дома постепенно теряютъ вертикальное положеніе, начинаютъ все болѣе и болѣе наклоняться къ землѣ, грозя упасть и разрушиться. Эта иллюзія такъ сильна, что и потомъ, когда поймешь, что измѣняешь положеніе самъ, а не дома или деревья, даже и послѣ этого не можешь отдѣлаться отъ нея.

На верху подъема стоитъ паровая машина, которая и наматываетъ цѣпь на желѣзный валъ. Каждый вагонъ снабженъ гормазомъ. Мы любопытствовали узнать, бывають ли когда-нибудь несчастія на этой головоломной дорогѣ. Намъ сказали, что нѣтъ. Если оборвется цѣпь, кондукторъ всегда имѣетъ время застопорить вагонъ. Говорятъ даже, будто бы каждый мѣсяцъ дѣлають пробу этому стопору: пускають вагонъ по рельсамъ безъ цѣпи съ грузомъ. Кондукторъ успѣваетъ его застопорить на лету. Неприятное всетаки положеніе кондуктора въ этомъ случаѣ.

Наверху мы обѣдали. Ъли между прочимъ здѣшнео тропическое лакомство: кэри. Это довольно своеобразное кушанье для насъ-сѣверянъ. Варится рисъ и къ нему подается соусъ изъ перца и тому подобныхъ ѣдкихъ веществъ, съ дичью. Но и этого мало: къ этому блюду подаютъ еще цѣлую аптеку всевозможныхъ снадобьевъ, тоже все ѣдкихъ, дерущихъ ротъ, какъ горчица или перецъ. Тутъ и бамбуковое варенье (не примите это за шутку. Это не тоже, что березовая лапша. Въ буквальномъ смыслѣ, варенье и недурно, изъ молодыхъ побѣговъ бамбука), тутъ есть и какаля-то маленькая сушеная рыбка, и еще нѣсколько подобныхъ нумеровъ. Въ концѣ концовъ, получается такая смѣсь, такой зарядъ всякихъ ѣдкостей, что страшно и ко рту поднести. А безъ этого кэри здѣсь нельзя. Желудокъ требуетъ себѣ возбужденій сильныхъ, иначе не работаетъ.

29 числа утромъ мы вышли изъ Гонгъ-Конга прямо во Владивостокъ. Хотя телеграфъ извѣстилъ, что холеры въ Японіи нѣтъ, но еще оффиціально о снятіи карантина ничего не было слышно. Шли мы теперь на сѣверъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше уходили отъ вѣчнаго лѣта тропиковъ, шли на осень.

30-го вступили въ Формозскій проливъ, гдѣ суждено было намъ перевести послѣднее испытаніе. Дулъ очень сильный

сѣверный вѣтеръ, рвавшій съ палубы все. Ходить было трудно. Первый разъ послѣ Одессы сняли тентъ. На нашей палубѣ стало какъ-то неестественно свѣтло и пустынно, торчала только мачта и желѣзные столбики, да протягивались поперекъ цѣпи, поддерживавшія до сихъ поръ тентъ. Совсѣмъ, какъ садъ осенью, пожелтѣлый и облетѣвшій. Небо постоянно заволакивалось тучами, постоянно сѣрѣло, грозило дождемъ. Температура все упала и упала. Пришлось вынуть давно забытое черное и теплое платье. Совсѣмъ осень. Мы жались теперь на неуютной, открытой палубѣ, не находя уже на ней тѣхъ укромныхъ уголковъ, гдѣ бывало прежде находили покой и уединеніе. Все открыто, обезлиствѣло.

Но это бы еще ничего. Отъ этого страдаетъ одна только фантазія. Формоза доставила намъ болѣе сильныя ощущенія.

Теченіе въ Формозскомъ проливѣ всегда очень сильное. Слабый пароходъ пожалуй и не выгребетъ противъ него. Тѣмъ болѣе въ этотъ разъ, когда къ теченію присоединился еще сильнѣйшій противный вѣтеръ. Волны были громадны: Кострома наша качалась безпомощно, ныряя и носомъ и кормой, какъ маленькая лодка. При каждой большой волнѣ винтъ обнажался и тогда по всему пароходу проносился страшный, раздирающій душу трескъ, отъ котораго содрагались всѣ нервы и безъ того напряженные и утомленные. Особенно неприятенъ былъ этотъ трескъ ночью у насъ на кормѣ. Сидимъ въ каютѣ-компаніи, балансируя на креслахъ, разговоры не клеятся. Винтъ продолжаетъ свос: туу-ту-ту, туу-ту-ту... Вдругъ: трррр... „Эхъ, ты несчастіе! Опять“..., проговорить кто-нибудь укоризненно поглядывая по направленію къ кормѣ или на механика, если онъ тутъ случился. А винтъ чрезъ минуту еще застучитъ...

Главная бѣда была въ томъ, что противное теченіе и вѣтеръ сильно уменьшали нашъ ходъ. Мы тащились узла по 4—5. Это еще болѣе увеличивало уныніе, хотя, какъ послѣ узнали, мы были опять таки счастливѣе другихъ: здѣсь ходятъ и того медленнѣе.

1 Октября прошли проливъ. Теченіе ослабло, ходъ прибавился, но качка продолжалась. Винтъ по прежнему трещалъ.

4 Октября справа показались какіе-то острова чуть-чуть синѣвшіе на горизонтѣ.

„Что это такое“? спрашиваю у доктора.

„Японія. Теперь проходимъ траверзъ Нагасаки“.

Я, конечно, еще попросилъ объяснить, что такое траверзъ. Это-де перпендикуляръ къ рейсу судна отъ данной точки.

Понялъ я все таки только то, что Японія у меня подъ бокомъ. Я почувствовалъ себя дома, на мѣстѣ. Пусть и придется прокачаться въ Владивостокъ, пусть тамъ и задержутъ меня, можетъ быть, надолго, но все-же я здѣсь, много страствовать не придется. Поднялись разспросы. Выслушивалось еще разъ все, что слышано было за путешествіе. Какъ мы поѣдемъ, да гдѣ ваиа стоянка, гдѣ миссія и пр. Глаза всѣхъ устремились на синѣющіе силуэты страны восходящаго солнца.

5 числа прошли Дажелеть, очень гористый островъ, который со своими остроконечными вершинами торчитъ у васъ предъ глазами цѣлый день, надоѣдая въ концѣ концовъ. Идемъ-идемъ,—все онъ еще здѣсь. Вотъ миновали его, вотъ идемъ еще нѣсколько часовъ, но посмотрите назадъ: все еще Дажелеть.

6 Октября, нашъ послѣдній день на пароходѣ. Завтра, утромъ будетъ конецъ нашимъ скитаніямъ, а вмѣстѣ конецъ и нашей общей жизни. Каждый пойдетъ въ свою сторону, кто въ Хабаровку, кто въ Посъеть, кто-куда. За рейсъ успѣли привыкнуть другъ къ другу. Теперь какъ будто и не хотѣлось разставаться. У насъ былъ прощальный завтракъ. Говорились рѣчи, тосты. Командиру на память о нашемъ плаваніи поднесли серебряную братину. Послѣ завтрака долго еще сидѣли въ общемъ кружкѣ, вспоминая пройденный такъ счастливо путь. Тутъ и капли опять вышли на сцену ко всеобщей потѣхѣ.

Послѣ завтрака всѣ стали собираться. Укладывать свои вещи. Приводить въ извѣстность и порядокъ свои покупки. Всѣ они приносились въ каюту и клались на пустыя койки, теперь нужно находить имъ мѣсто въ чемоданахъ, ящикахъ. Я, впрочемъ, не торопился собираться и прощаться съ пароходомъ. Если не придется на немъ мнѣ ѣхать въ Японію, то во всякомъ случаѣ проживу на немъ все время, пока онъ во Владивостокѣ.

День незамѣтно подошелъ къ вечеру. Послѣ обѣда по-пробовали было еще разъ на прощанье подлюбоваться моремъ, теперь темнымъ, но на верху такъ было уютно, холодно, что это желаніе пришлось скоро оставить. Собрались опять въ каютъ-компаніи. Кто-то сѣлъ за пианино. Нашлись пѣвцы. За чаемъ, съ разговорами и пѣніемъ дружно прошелъ этотъ нашъ послѣдній вечеръ среди моря въ каютъ-компаніи Костромы. Было уже очень поздно, когда наше общество стало понемногу сокращаться, уходя спать послѣдній разъ въ каютѣ.

7-го утромъ густой туманъ покрывалъ море. Говорятъ, впрочемъ, этотъ туманъ стлался только по низу, съ капитанскаго мостика видно было чистое небо и всѣ окрестности. Путь нашъ не замедлялся. Вотъ сквозь бѣлую мглу означились съ той и другой стороны горы (мы входили уже на рейдъ). Вотъ пронеслась въ туманѣ мимо насъ брантъвахта. Тамъ мирно почивали, и только теперь замѣтили нашу Кострому. О, Русь...

Мы стали къ берегу. Тамъ былъ какой-то сарай. Дальше шли заборы, потомъ опять заборы, потомъ опять заборы. Вдали видѣлись маленькіе деревянныя домики, первобытная набережная, безъ всякихъ оретическихъ приспособленій. Видны казармы. Съ другаго борта протягивался рейдъ, на которомъ стояла наша Тихоокеанская эскадра. На берегу вдоль рейда раскинулся маленькій городокъ, какъ и всякій уѣздный русскій. По срединѣ очень хорошая цорковь. Около нея нѣсколько хорошихъ построекъ, потомъ опять заборы и заборы, съ немощенными улицами, со свиньями, лужами и пр. Совсѣмъ какъ у насъ. На берегу подлѣ парохода стояла толпа китайцевъ. Держали они себя здѣсь свободнѣе и высматривали дружелюбнѣе. Кто-то кого-то „просилъ чести“... Однимъ словомъ, мы дома. Даже умиленіе нашло на всѣхъ.

Пріѣхалъ проспавшій дозоръ, посидѣлъ у насъ въ каютъ-компаніи за чаемъ. Сообщили, между прочимъ, что холера здѣсь была порядочная. Тотъ умеръ, тотъ умеръ, многихъ не досчитывались. Наши Владивостокскіе пассажиры получали все печальныя новости. Мало по малу къ намъ стали собираться гости. Пришла цѣлая толпа офицеровъ съ эскадры, пришли разные чины съ рапортомъ и безъ него

къ разнымъ начальникамъ, которые ѣхали съ нами. Какую-то компанію превратилась въ базаръ. Нѣкоторые изъ нашихъ уже прощались, уѣзжая на берегъ.

Тутъ пришелъ ко мнѣ и давно невиданный мною О. А. Онъ прибылъ сюда дней пять тому назадъ, и теперь висѣлъ, что называется, между небомъ и землей. Всѣ номера въ гостиницѣ были заняты, ему пришлось кочевать по своимъ пароходнымъ компаньонамъ изъ номера въ номеръ. Много мы съ нимъ переговорили о путешествіи. Ему пришлось больше страдать: качки онъ совсѣмъ не выноситъ, да и дѣла у него дорогой было гораздо больше. Чуть держась на ногахъ отъ морской болѣзни, бѣдняга долженъ былъ исправлять требы, читать молитвы утромъ и вечеромъ и т. п.: у нѣсколькихъ партій арестантовъ, которые ѣхали съ ними.

О нашемъ дальнѣйшемъ путешествіи ничего не было извѣстно опредѣленнаго. Пойдетъ ли туда Кострома? никто не могъ сказать ничего. А между тѣмъ, предъ самымъ нашимъ носомъ отъ пристани отошелъ въ Нагасаки одинъ японскій большой пароходъ. Сегодня ушелъ еще одинъ (8 числа). Въ 20-тыхъ числахъ пойдетъ „Байкаль“, пароходъ какой-то здѣшной компаніи. Пойдетъ потомъ „Владивостокъ“, пароходъ Добровольнаго флота. Но все это еще не скоро. Придется должно быть долго просидѣть здѣсь у моря и ждать погоды.

Между прочимъ, здѣсь намъ сообщили, что въ Россіи о Костромѣ были тревожныя вѣсти (потому что она не заходила въ Аденъ). Теперь мы радуемся, что послали свои записочки изъ Перима.

P. S. 11 Октября. Японское море.

„Frithjof Nansen“.

Совершенно неожиданно пришлось продолжать мое письмо въ неожиданномъ мѣстѣ и посылать его тоже неожиданно изъ Нагасаки. Мы уже не во Владивостокѣ и не на пароходѣ Добровольнаго флота, а въ Японскомъ морѣ и подъ норвежскимъ флагомъ. Метаморфоза эта случилась вдругъ, въ какія-нибудь полчаса или часъ.

9 числа я преспокойно сидѣлъ за утреннимъ чаемъ въ компаніи двоихъ или троихъ нашихъ спутниковъ, готовившихся уходить на берегъ. Пришелъ сюда агентъ Добро-

вольнаго флота. Зашла рѣчь, конечно, о нашемъ путешествіи въ Нагасаки.

„Пойдетъ ли „Кострома“?“ спрашиваю его.

„По всей вѣроятности нѣтъ. Ее за это въ Одессѣ за-сидятъ въ карантинъ дней на 38.—Весь грузъ передадутъ на „Владивостокъ“. Можете потомъ перебраться туда и вы. Да, если угодно, я могу и сегодня отправить васъ въ Нагасаки“, вдругъ заявляетъ онъ мнѣ. Сегодня идетъ туда датскій пароходъ, грузовикъ. Конечно, вы не найдете на немъ такихъ удобствъ, какъ у насъ, но до Нагасака доберетесь. Только, вѣдь, вы не согласитесь сидѣть на ихъ габеръ-супахъ“.

„Какъ не согласимся? Конечно, согласимся. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

—„Такъ пароходъ уходитъ сегодня въ 10 часовъ утра, нужно торопиться“.

Я, конечно, началъ торопиться, бросилъ свой чай, взялъ шляпу, и чрезъ минуту мы уже тряслись въ шарабанѣ по улицамъ Владивостока. Былъ уже десятый часъ въ началѣ. Нужно было купить билеты, собрать свой еще несобранный багажъ, переѣхать съ Костромы на этотъ пароходъ. Времени было уже мало.

По дорогѣ встрѣтили о. А., который мирно шелъ справляться куда-то насчетъ бани, очевидно, и въ мысляхъ не имѣя, что сейчасъ придется бросить всякую мысль о русской банѣ на нѣсколько лѣтъ. Его экстренно вернули домой, а сами направились въ контору: Кунстъ и Альберсъ“, здѣшнихъ Ротшильдовъ.

Наведенныя справки были благопріятны: пароходъ можетъ дать намъ двѣ каюты и принять палубнымъ пассажиромъ нашего Θεодора (звонаря).

Оставивъ агента покупать тамъ билеты, я стремглавъ побѣжалъ на Кострому. Мигомъ побросалъ въ чемоданъ мои вещи, половину ихъ оставивъ здѣсь, для передачи на „Владивостокъ“. На скорую руку попрощался съ моими бывшими спутниками и Костромой. Ихъ было немного. Жаль, что съ нѣкоторыми офицерами парохода не пришлось раскланяться, о нихъ самое лучшее воспоминаніе.

Манза, т. е. здѣшній китаецъ подвезъ меня къ датскому пароходу (который оказался норвежскимъ). Его русскій вы-

говоръ настолько былъ хорошъ, что я не понялъ ни слова, какъ ни пріятно было перекинуться на прощанье съ Россіей нѣсколькими русскими словами. Было почти десять часовъ, когда я вступилъ на палубу Frithjof Nansen'a. Мои спутники, о. А. и Феодоръ были уже тамъ.

Черезъ четверть часа нашъ пароходъ далъ послѣдній свистокъ и пошелъ. Костромичи всѣ высыпали на ютъ, раздалось оттуда ихъ прощальное „ура“, флагъ трижды опустился (морской поклонъ) и наша Кострома постепенно скрылась за горами.

Теперь мы совсѣмъ внѣ Россіи. На пароходѣ никто не говоритъ по русски ни полслова. Приходится пускать въ ходъ весь свой филологическій запасъ. Хорошо еще, что о. А. говоритъ по французски. Можно говорить хотя съ капитаномъ. Прочіе же не знаютъ никакого языка, кромѣ своего.

Пароходъ нашъ, конечно, въ нѣсколько разъ меньше Костромы. У него только двѣ мачты. Нѣтъ ни полуюта, ничего, обычнаго на пассажирскомъ пароходѣ. Каютъ-компанія можетъ вмѣстить всего человѣкъ восемь. По бокамъ двѣ каюты для пассажировъ и одна большая для капитана. Посрединѣ столъ, съ висящей лампой и потомъ что-то въ родѣ висящей полки съ ячейками для графина и стакановъ. Въ общемъ тѣсно, темновато.

Компанія, впрочемъ, хорошая. Капитанъ еще не старый человѣкъ, скорѣе молодой, здоровый, румяный, очевидно не знающій что такое болѣзнь, скука и пр. Штурманъ его весьма типичный норвежець-штурманъ, какими ихъ рисуютъ въ различныхъ путешествіяхъ и романахъ. Носъ обязательно красный, одежда и лицо сѣрыя, взглядъ угрюмый, разговаривать не охотникъ. Но въ существѣ очень добрый человѣкъ. По утру встрѣчаясь, говоритъ: „зртовуй“, т. е. „здравствуй“. Ну, что же? это слово и въ самомъ дѣлѣ трудно выговорить не русскому. Механикъ человѣкъ тоже сѣрый въ общемъ, но уже въ другомъ родѣ. Онъ чуть-чуть какъ бы раслухъ, показываетъ признаки изнѣженности, разговарививъ гораздо больше штурмана, пожалуй изрѣдка и улыбнется. Оба они съ бородами, только у штурмана борода рыже-желтая, прямая, идетъ ровно книзу не расширяясь и не сзуживаясь. У механика же борода лопатой и цвѣта ру-

саго. За обѣдомъ или завтракомъ, когда собирается вся наша компанія всѣ три господина (кромѣ ихъ нѣтъ никого) стараются быть какъ можно предупредительнѣе къ намъ. Народъ хорошій. Жаль, что приходится ограничиваться жестами и взглядами.

Есть у насъ и слуга. Зовутъ его: Лингоольдъ, какъ солидно онъ заявилъ намъ. Этотъ прямо скандинавецъ съ ногъ до головы. Широкое лицо, и баки, и голубые глаза, и все. Важенъ до послѣдней степени, хотя съ нами покровительственно предупредителенъ.

На палубѣ у насъ до 500 человекъ китайцевъ. Ъдутъ изъ Владивостока на родину. Приѣхали во Владивостокъ, поработали, нажили себѣ немного денегъ, и теперь возвращаются, чтобы уступить мѣсто другимъ. Китаецъ всегда и всюду, кромѣ своей родины, будетъ чужаежнымъ растеніемъ. Съ нѣкоторыми мы заговаривали. Нѣкоторые знаютъ слова два-три по русски. Относятся, какъ будто бы не такъ недружелюбно, какъ въ Гонгъ-Конгѣ.

Но главное украшеніе третьяго класса, въ трюмѣ безспорно составляетъ нашъ Феодеръ, расположившійся на нашихъ чемоданахъ, въ своемъ длинномъ „спинжакѣ“-халатѣ, въ красной рубашкѣ на выпускъ, въ жилетѣ, съ громаднѣйшей и широчайшей бородой и съ трубочкой. Боже мой, какъ величественно и вмѣстѣ презрительно посматривалъ онъ на толпившихся около него китайцевъ. Прошелъ онъ тропики, теперь идетъ по холоду, но онъ все тотъ же, въ томъ же черномъ суконномъ спинжакѣ, въ жилетѣ и въ красной рубахѣ. Климатовъ и широть для него очевидно не существуетъ.

13 Октября.

Идемъ все благополучно. Съ утра видны острова закрывающіе входъ въ Нагасаки. Вдали на горизонтѣ рисуется темный силуэтъ береговъ, это-Ниппонъ, главный островъ Японіи. Еще нѣсколько часовъ и мы подойдемъ къ берегамъ Кіу-Сіу, южному острову Японіи, на которомъ расположено Нагасаки. Часовъ въ 11 или 12 надѣмся бросить якорь въ Нагасакскомъ рейдѣ.

Вчера день прошелъ замѣчательно хорошо, ни качки, ни холода. День былъ чудный солнечный. Даже наши съ виду суровые норвежцы какъ-то прояснѣли. Хотѣлось должно быть

и имъ поговорить съ нами, но только капитанъ могъ исполнить свое желаніе. Въ концѣ концовъ, вечеромъ послѣ ужина, мы дѣйствительно заговорили. Главнымъ образомъ, конечно, о. А. Капитанъ оказался совѣмъ хорошимъ задушевнымъ человѣкомъ. Незамѣтно перешли мы на самыя интимныя темы. Капитанъ разсказалъ намъ, что его отецъ профессоръ въ Христианіи, дядя-пасторъ тамъ же. Въ Норвегіи есть у него и невѣста, которая вотъ уже три года ждетъ его. Но Карлъ все еще не можетъ вернуться въ свой фатерландъ, все пароходъ его не можетъ взять себѣ комиссію въ Европу. О. А. далъ ему свою карточку. Капитанъ обѣщаль потомъ прислать свою изъ Норвегіи съ невѣстой (нужно сказать, что обѣщаніе, дѣйствительно, сдержалъ. Года чрезъ три о. А. получилъ отъ него письмо и фотографію).

Сегодня немного качаетъ. Я еще терплю, но бѣдный о. А. безнадежно скрылся въ своей каютѣ. Да и мнѣ можетъ быть полежать-то придется. Впрочемъ теперь уже не долго. Еще полдня и мы дома.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
